

коммент. Б. Н. Тарасов ; Ф. М. Достоевский. – М. : Современник, 1989. – 557 с.

6. Соловьев В. С. Национальный вопрос в России (выпуск II) / В. С. Соловьев // Собрание сочинений в 12 т. – Т. 5. – Брюссель, 1966. – С. 181–244.

7. Соловьев, В. С. Три речи в память Достоевского / В. С. Соловьев // Собрание сочинений в 12 т. – Т. 3. – Брюссель, 1966. – С. 186–226.

8. Соловьев В. С. Три силы / В. С. Соловьев // Собрание сочинений в 12 т. – Т. 1. – Брюссель, 1966. – С. 227–240.

9. Соловьев, В. С. Философские начала цельного знания / В. С. Соловьев // Собрание сочинений. – В 12 т. – Т. 1. – Брюссель, 1966. – С. 250–406.

10. Соловьев В. С. Чтения о Богочеловечестве / В. С. Соловьев // Собрание сочинений в 12 т. – Т. 3. – Брюссель, 1966. – С. 3–181.

Мелещук А. А. Отличия в синтезе западных и славянофильских

идей в историософии Ф. Достоевского и Вл. Соловьева.

Рассматривается интерпретация историософских идей славянофилов и западников, а также отличия в попытках их объединения у Федора Достоевского и Владимира Соловьева.

Ключевые слова: историософия, Запад, Восток, Европа, Россия, универсализм, национальность, Богочеловечество, православие, католицизм.

Meleshchuk A. Differences in the synthesis of Westernizing and Slavophile ideas in the historiosophy of F. Dostoevsky and Vl. Solovyov.

Considered interpretation historiosophical ideas of Slavophiles and Westerners, as well as differences in their unification attempts of Fyodor Dostoevsky and Vladimir Solovyov.

Keywords: historiosophia, West, East, Europe, Russia, universalism, nationality, Godmanhood, Orthodoxy, Catholicism.

Надійшла до редколегії: 26.04.2014 р.

УДК 111.1

В. Б. Окорков

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ДИСКУРСИВНЫЕ ИГРЫ БОГОВ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ИМЕНОВАНИЯ

Исследуется древнейшее и наиболее сложное для понимания искусство именования, которое, согласно наиболее древним источникам культуры, было присуще только богам и наиболее продвинутым служителям культа.

Ключевые слова: именование, истина, субъект, производство множества, боги, творение, мысль.

Если в начале было слово, то как произошел процесс его актуализации в мире и в какой мере искусство такой актуализации могло сохраниться до настоящего времени? Не являются ли древнейшие искусства говорения и магии первыми и, может быть, высшими формами-возможностями человеческого бытия в мире? В той мере, в которой форма становится признаком существования и превращает окружающую действительность в план существования Богов, произнесенное слово как форма, принесенная свыше, вершит судьбу мира. Может ли человек быть участником таких «высших игр» или он обречен быть «рабом» форм и, в лучшем случае, только их обладателем, причастным к «диалогу» (полилогу) Божеств? – Что это: загадка, порожденная изощренным разумом высших существ (например, Сфинкс), вовлечение человека в «игры Богов» или, наоборот, фантазии, присущие игре нашего воображения. В первом случае «мышление», «разумность» и «сказание» – это дар, а может быть, и проклятие «высшего мира».

Отсюда логично вытекает и следующий вопрос: может ли человек проникнуть в вечные тайны своего бытия, то есть пролить свет на свое происхождение? Так последовательно выстраивается цепочка логических умозаключений, на которые нет ответа, ведь мы не существовали при рождении мира. А когда появился человек, мир уже обрел свой сущностный и актуализированный облик. В этом смысле человеку остается только считать актуализированные формы. Или же все же он может иметь отношение к самой актуализации? Чем более мы погружаемся в миры высших форм и начал, тем больше загадок и парадоксов несет их понимание.

В таком случае самым важным для человеческого существа является вопрос о том, имеются ли хоть какие-то для него возможности что-либо узнать о своем происхождении, и тем самым проникнуть в тайну своего бытия. Весь исторический опыт существования человечества показывает, что в том месте, где человек стремится раскрыть тайну своего происхождения

и существования, он вовлекается в зону отчуждаемого пространства, или, как его именуют представители современной культуры, в область бессознательного. Сфера высших начал закрыта от человека «кодом истории», познание которого, как показывает опыт предков, влечет за собой нарушение (или трансформацию) психических процессов того, кто пытается проникнуть в тайну Богов (или тайну истории). Попадая в мир высших форм и начал, человек становится другим (и в смысле внутренних трансформация «я», и в смысле попытки прорваться в сущность дискурса или форму бытия «другого»). Однако приближение к «другому» разрушает собственное «я». Не в этом ли главная загадка человеческой природы?

Вовлечение в дискурс «другого», по сути, сопровождается выстраиванием поля собственных смыслов. Смыслы всегда приходят, а не рождаются собственным «я». В таком случае новая загадка состоит в том, что делать человеку в области дискурса – вовлекаться в бесконечные языковые игры по поиску смыслов или же, приблизившись к себе, уйти от внешних смыслов, попасть в собственный глубинный мир, в область «по ту сторону смыслов»? Но ведь и «путь науки» (связанный с внешними языковыми играми), и путь самопогружения (связанный с медитационными практиками) фактически устраняют наше собственное «я», размывая его либо в бесконечном пространстве смыслов, либо в бесконечном разнообразии толкований природы, либо в бездонных просторах первозданной бессмыслицы («пустоты»). «Код существования» в обоих случаях, на первый взгляд, недоступен.

Но можем ли мы обмануть свою природу и проникнуть в тайны, закрытые «кодом нашего существования» («кодом нашего происхождения»). Бытие идей (путь Платона), бытие форм (путь Аристотеля) или бытие Божеств (путь Будды, Моисея, Христа, Магомета и других провозвестников) – не приоткрывает ли этот ряд множество путей, формирующих смысла бытия человека? Ответа нет, так как каждый из этих путей представляет собой фрагмент нашей сопричастности миру. Человек, как указывала Сфинкс, разный на разных путях своего существования.

Но в человеческом мире всегда были аватары или мессии, которые знали «путь», по которому следует идти человечеству в ближайшее историческое время. – Они определяли исторические эпохи. Путь, как сказали бы Будда, Моисей или Христос, а в наше время М. Хайдеггер или М. Мосс [3; 7], – это дар. Такой дар раскрывается не как завоевание, обретенное в битве с другими народами за историческое место и признание, а как самопреодоление, позволяющее перестроить собственную природу человека и открыть «проходы» (пути) в иные способы существования человека.

Не менее важная проблема, сопровождающая социальное движение истории, – создание символов, напоминающих о сущности открытого пути. Новая эра начинается с пути, который возвестил Христос. В этой сфере начинает работать иной способ существования человека, построенный на исторической связности и преемственности. Здесь приоткрывается сущность языка. Система знаков позволяет перенести открытие мессии в историческое пространство посредством мифа или мифопоэтического текста. Фактически, те, кто складывали мифы или устанавливали имена, всегда занимали привилегированное положение в обществе. Ведь они расширяли границы нашего мира. В соответствии с недавними лингвистическими открытиями Л. Витгенштейна, границы моего языка определяют границы моего мира. Да и, по мнению Протагора, человек есть мера всех вещей, следовательно, какими ему (человеку) представляются вещи, такими они будут и для других. Именователь – древний риши (согласно «Ригведе») – проводил ритуал инвокации (называния-творения вещей) и расширял границы мира. Фактически, мифы об установлении имен были древнейшими формами мифотворчества. Они просматриваются в индуистской, арийской, древнегреческой и др. традициях. Только божествам и «древним» риши было дано устанавливать имена, ведь это, согласно восточных мифов, высший дар существования. К этим мифам в более изощренной современной форме возвращается М. Хайдеггер. В его «Бытии и времени» язык есть дом бытия (дом, точнее, важнейший источник или способ существования людей, а, согласно индуистской традиции, и божеств). А в связи с тем, что, согласно современной версии Лакана, и бессознательное структурировано как язык, а бессознательное в то же время выступает как незримое (бессознательное) присутствие другого (или Другого как высшего Отца), язык обнаруживается как универсальное единство, универсальный топос, связывающий психическое и, возможно, духовное пространство.

В такой версии существования мы постоянно пребываем в универсальном поле (универсальной связности) духовного единства мира. В определенном смысле в таком контексте мы обнаруживаем фундаментальное свойство бытия мира: не только бессознательное, но и духовное (и психическое) так же структурировано, как язык. З. Фрейд и Ж. Лакан обнаружили частные формы некоего универсального принципа, на который указывали структуралисты и постструктуралисты: все активно существующее (живое) структурировано как язык или функционально в области знаков и символов (в области языка).

В «Ригведе» мы читаем, что первое начало Речи возникло тогда, когда риши или первые жрецы приступили к действию или установлению имен. Здесь же говорится о том, что Всеобщий творец (Всех дел мастер, Господин всех ремесел) является единственным установителем имен [5]. И в «Авесте» имена устанавливали первые люди. В этом же смысле древнегреческий философ Пифагор указывал, что после числа вторым по мудрости является тот, кто установил имена вещей. В диалоге «Кратил» Платон подводит нас к тому, что не каждый человек может знать закон, т. е. быть знатоком того, откуда берутся имена, поэтому не каждому человеку дано устанавливать имена [4, с. 620]. Первыми, кто обнаружил множественную природу человеческого существования, были софисты. Недаром А. Бадью назвал постмодерное общество новым софизмом.

Платон был уверен, что уж боги-то называют вещи правильно – теми именами, что определены от природы [4, с. 623]. И бог Гермес, развивая далее эту идею Платон, – толкователь воли богов, который все занятия людей привязывал к власти слова, то есть был тем, кто измыслил речь и слово (для людей). Толкователи древнегреческой мифологии утверждали, что главный дар богов – это огонь; фактически же, главным даром богов было слово и имя.

Поэтому и Платон, в конечном счете, апеллирует к богам, признавая только за ними право «чистого» именованія вещи. А уж на втором месте, по Платону, находятся те (люди), которые вслед за богами могли именовать вещи, – ономаты (жрецы, риши, провидцы и предсказатели, которые, по сути, говорили от имени богов). Критики и знатоки художественного слова, видимо, согласятся с тем, что поэты и писатели в своем творчестве как бы постоянно припоминают (некогда забытые) слова. Толкователи схватывают в потоке движения вещи то, что остается неизменным при всех ее преобразованиях (во времени, в этом потоке). Это и есть то, что схватывается множеством людей как ее сущность, форма или имя. Анализируя процесс именованія, Платон далее утверждает: «Понимание, судя по всему, означает рассмотрение возникновения... Если же угодно, и самое имя мышление означает улавливание нового, а новое в свою очередь означает вечное возникновение... душа улавливает изменение или возникновение нового. Да и само слово «познание»... говорит о том, что душа... следует за несущимися вещами, не отставая от них и их не опережая» [4, с. 647]. Если время – это поток, то и мышление – это поток, захваченный временем или производящий движение в соответствии со временем. Это то свойство мышления, которое в XX в. было проанализировано в

феноменологической концепции Э. Гуссерля (в работе «Феноменология внутреннего сознания времени» [1]) и которое по своей природе восходило к «внутреннему сознанию музыки» и, как мы видим, было известно Платону. Мышление длит событие (или имя вещи) в сознании, познание отслеживает поток события (и находится с ним в одной временной фазе). «Искать... не что иное, как сокращенное выражение, в которое входит слово «имя», означающее то сущее, коего достигает наша поиск... сущее – это то, что уже поймано... похоже, что и имя (истина) составлено из других слов. Очевидно, им назван божественный порыв сущего... «Сущее» же и «сущность» согласуются с именем «истина» [4, с. 658]. Но Платон ищет также древнюю этимологию самого дления, точнее, движения. Он считает, что «движение»... это тоже самое, что и «хождение»... в древности... то же самое, что и слово «идти»... Так что правильное бы (назвать) «идение» [4, с. 664]. Платон умышлено в поисках смысла языка и речи сталкивает самые граничные понятия, чтобы за их «именами» раскрыть древний, то есть священный, смысл. Мыслить – значит, находиться в потоке времени, а двигаться – значить, осуществлять «хождение» в этом потоке. Поэтому и мышление – это многоступенчатое «хождение» во времени (по времени), или перенесение по времени (столкновение) «имен» (как знаков вещей и событий). На причастность мышления к потоку времени указывает и то, как Платон именуется науку: «Устойчивость есть скорее подражание каким-то устоям и стоянию, а не порыву. Так же как и наука обозначает некоторым образом то, что останавливает течение реки... «память», скорее всего, указывает на то, что в душе унялись какие-то порывы» [4, с. 677]. Тут уже просматривается прямое указание на синхроничность науки, которая только тогда и становится наукой, когда фиксирует «имена» вещей (или событий), движущихся в потоке времени – то, что в последующей культуре принято было называть «законом».

Природа процесса мышления связана с тем же истоком, в котором осуществлялось первичное именованіе. Мышление, ум, душа, познание, согласно Платону, – однопорядковые явления, восходящие к процессам божественного именованія. В человеке есть нечто, по Платону душа, что умеет схватить несущиеся во времени (или со временем) вещи, события и дает им имена, или, во всяком случае, знает (припоминает), какое событие и как именуется.

В этом исследовании, пожалуй, менее важно, идет ли речь у Платона об «установлении имен по закону» или по их «адекватности природе». Скорее, нас интересует природа самого именованія, происходящего как процесс либо в первозданном потоке творения мира Богом (первичном потоке времени),

либо в потоке человеческого мышления. И уже Платон, фактически, показывает адекватную связь процессов, ориентирующих божественный топос мира (Космоса или Вселенной), и процессов, происходящих внутри человеческого мышления. Ведь в первом случае речь идет об адекватности актов, вызванных действием божественной мудрости (актов творения), и процессов, связанных с первичным именованіем этих актов. Во втором («антропологическом») случае можно говорить об адекватности божественного акта именованія и человеческого акта воспроизведения имени, или акта инвокации, вызванного, согласно первичных мифологических представлений, называніем (или вызываніем) имени. И во втором случае человек произносит имя (или вызывает сущности посредством имени, относящиеся к таинству божественной мудрости).

Для нас важно здесь то, что акт инвокации носит по своей природе коллективный характер, так как имя, употребляемое в речи, как показали Ф. де Соссюр и структуралисты (К. Леви-Строс, М. Фуко, Ж. Лакан и др.), всегда интересубъективно, если иметь в виду, что и обращение к другому, и обращение к богу несут в себе «печать» коллективности (по крайней мере дихотомичности). По своей сути, любой акт – человеческий или божественный – диалектичен и предполагает двойственность; творение – не моно-, а диа- (диалектический) процесс, в том смысле, что и говорение, и именованіе, по самой своей природе, является, фактически, диалектичным, а точнее, интересубъективным.

Это подметил еще Гегель, указавший, что действие духа (абсолютного, объективного или субъективного) на любой стадии его развития диалектично. Но Гегель совершенно не учитывал процесс именованія. Его дух отчуждается в материю в полном диалектическом отрицании предшествующего состояния. С точки зрения современных исследований, можно утверждать, что гегелевский диалектический акт может являться лишь пограничной (предельной) формой движения духа. То есть в системе Гегеля дух должен разворачиваться в абсолютном потоке времени, где сам процесс перехода между формами бытия духа диалектичен и очень похож на платиновский процесс мгновенной эманации, в котором, скажем, вместе с рождением материи, сам по себе дух не исчезает, а существует параллельно в ином измерении. Гегель разворачивает феноменологию духа в абсолютном ньютоновском пространстве. В его абсолютной системе «диа-» подразумевает мгновенный переход из одного состояния в другое (путем мгновенного и полного отчуждения предшествующей стадии существования, когда эта предшествующая

стадия, практически, полностью исчезает, без остатка трансформируется в новое состояние). Неогегельянец А. Кожев, интерпретируя диалектические процессы Гегеля, пишет: «Мысль должна приспособливаться к Бытию и Реальному и не вносить в них никаких... изменений... гегелевский метод, стало быть, никоим образом не диалектичен, он является чисто созерцательным и описательным... И лишь поскольку оно [познание] следует «диалектическому движению» реального, Познание присутствует при собственном рождении и наблюдает за собственным развитием, таким образом приходя в конце концов к своему пределу, каковым является полное и адекватное понимание самого себя, т. е. постепенное раскрытие Реального и Бытия Речью» [2, с. 556, 558]. Таким образом, в концепции Гегеля, согласно интерпретации А. Кожева (может быть, наиболее интересной для постмодерного мышления неогегельянца), речь является следствием Познания и возникает уже после творения (Бытия и Реальности).

Совсем иначе эту же проблему можно интерпретировать в контексте исследований структуралистов. С учетом платиновских и структуралистских идей нужно, скорее, говорить о том, что процесс творения так проходить не мог, ибо процессы рождения и именованія происходят одновременно-параллельно в том же самом смысле, в каком Ф. де Соссюр интерпретировал природу знака, согласно которой знак вовсе не является тождеством слова и вещи, а представляет собой единство означающего и означаемого (разрезание-именование одной части знака подразумевает совершенно адекватное разрезание-именование другой части) [6]. Дух творящий вовсе не должен отрицать (отчуждать) себя в материи, а лишь может формировать ее в акте творения-именованія, в котором рождение мира (Космоса и Вселенной) не исключает наличие духа, а подразумевает его диалектическое (не в диахроническом, а в синхроническом смысле) присутствие. Моно-дух (или Первоначало у Платина) в акте эманации порождает бытие-единое, некое первоначало. Но, согласно Платину, здесь еще нет разделения; оно появляется только после эманации-распадения бытия на мир сущностей. Гегель, дополняя формулу Платина процессом диалектического развертыванія, в то же время совершенно не учитывает процесс именованія, а точнее, разводит его и появление материи. Эти процессы в феноменологии Гегеля, фактически, осуществляются по разные стороны барьера диалектического отчуждения. С учетом современной феноменологии, лингвистики и структурализма необходимо говорить о диалектической двойственности такого процесса, точнее говоря, этот диалектический процесс происходит не только в абсолютном

ньютонівському виміренні (цього конструкцію і розглядає Гегель при дослідженні повного відчуження), але і в синхроністическому: народження матерії (і Космоса) не отрицает самозбереження духа в іншому виміренні. Обидва процеси – космологічний і іменуючий – складають взаємодоповнюючі частини єдиного творчого акту. В такій новій формулі обидва процеси здійснюються одночасно, але в різних взаємодоповнюючих площинах (або виміреннях) – один доповнює другий, наприклад рух кванта світла, в якому електричні і магнітні хвилі, взаємозмінюючись, здійснюють рух частинки електро-магнітного поля. Точно так само і дух, породжуючи своє діалектичне отрицання – матерію, в той же час, не зникає, не трансформується, а продовжує процес іменування, перебуваючи в іншому виміренні. Ми говоримо тут про подвійну діалектику – діахроністическу і синхроністическу.

В структурній антропології Ж. Лакана несвідомість не передбачає повну індиферентність по відношенню до мови. Навпаки, несвідоме структуровано як мова. В цьому ракурсі передбачається постійне присутство іншого при висловленні мови і акті іменування. Але в такому випадку і дух структурований в акті творення-іменування як інший. Для народження світу не достатньо моно-духа, акт іменування передбачає наявність іншого. І цей інший творець. І в цьому сенсі, як каже Біблія і всі стародавні тексти, людина, власне, має ту ж активну структуру, що і творець. Буквально за аналогією, сам акт творення передусім пов'язаний з мистецтвом втілення думки в форми і, як наслідок, мистецтвом іменування. Бо світ, який виникає за творенням не проіменовано, стає безглуздом. Отже чому мистецтво іменування, одне з найцінніших в стародавніх суспільствах, по суті, залишається таким і в наше час. Світ форм потребує актуалізації і іменування, – це прихована преамбула всіх стародавніх текстів.

Бібліографічні посилання

1. Гуссерль Е. Феноменологія внутрішнього свідання часу / Е. Гуссерль // Збірник творів. Т. 1. – М.: Гнозис, 1994. – 192 с.
2. Кожев А. Діалектика реального і феноменологічний метод у Гегеля / А. Кожев // Вступ до читання Гегеля. – СПб.: Наука, 2003. – С. 553–657.
3. Мосс М. Огляд про дару / М. Мосс // Суспільство. Обмін. Особа: Твори по соціальної антропології. – М.: Видавнича фірма «Східна література» РАН, 1996. – С. 83–223.
4. Платон. Кратил / Платон // Збірник творів: в 4 т. – М.: Мисль, 1996. – С. 613–682.

5. Ригведа. Мандалы. V–VIII. – М.: Наука, 1995.
6. Соссюр Ф. де. Курс загальної лінгвістики / Ф. де Соссюр. – М.: Логос, 1998.
7. Хайдеггер М. Що означає мислення? / М. Хайдеггер. – М.: Видавничий дім «Територія майбутнього», 2006. – 320 с.
8. Badiou A. Being and Event / A. Badiou. – London: Continuum, 2000. – 526 с.

Окорков В. Б. Дискурсивні ігри богів та антропологічні форми іменування.

Досліджується найдавніше й найбільш складне для розуміння мистецтво іменування, яке, згідно найбільш стародавніх джерел культури, було властиве тільки богам і найбільш просунутим служителям культури.

Ключові слова: іменування, істина, суб'єкт, виробництво множини, боги, творіння, думка.

Okorokov V. Discursive games of gods and anthropological forms of naming.

All historical experience of existence of mankind shows that in that place where the person aspires to reveal a secret of the own origin and existence, he is involved in a zone of alienated space, or (as it is called by representatives of modern culture) in field of the unconscious.

However both «way of science» (connected with external language games), and way of self-immersing (connected with meditational practices), actually, eliminate our own «I». «The code of existence» is not accessible in both cases.

Actually, those who put myths or installed names always occupied exclusive position in a society. They expanded borders of our world. Only to deities and «ancient» priests it has been allowed to installed names, after all it is the higher gift of existence.

In such version of understanding of existence we constantly are in a universal field (universal connectivity) of spiritual unity of the world. In a defined sense we find out fundamental property of life of the world: not only unconscious, but also spiritual (and mental) is structured as language.

If time is a stream also the thinking is the stream grasped by time or making movement according to time. It is to think means to be in stream of time, and it is to move mean, carry out «circulation» in this stream. Therefore the thinking is multistage «circulation» in time (along time), or transferring in time (collision) of «names» (as signs of things and events).

It is very important for us that the act of «invocation» has collective character so as a name used in speech (as shown F. de Saussure, etc.) is the intersubjective always if the reference to another and the reference to god bear in itself «press» collectivization (or dichotomy).

Both processes – cosmological and calling – are complementary parts of the uniform creative act. In such new formula both processes are

carried out simultaneously but in different complementary planes (or measurements) – one supplements another.

As the Bible and all ancient texts says the person, actually, has the same active structure, as the creator. And the act of creation is connected with art of an embodiment of thought in forms and, as consequence, art of creations of name.

After all the world which after creation is not called, becomes senseless. That is why art

of creations of name is one of the most valued in archaic societies, but is important in now. The world of forms needs in actualization and creations of name, – this is the latent preamble of all ancient texts.

Keywords: creation of name, true, the subject, manufacture of set, gods, creation, thought.

Надійшла до редколегії: 15.02.2014 р.

УДК 101.1 (09)

О. А. Осетрова

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

**Н. А. БЕРДЯЕВ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА САМОУБИЙСТВА**

Анализируется психоаналитическая особенность суицидального сознания экзистенциального одиночки – его способность к сужению до единственной темной точки, концентрирующей в себе всю жизнь и бытие.

Ключевые слова: суицид (самоубийство), суицидент, суицидальное сознание, сужение сознания, вечность, метаболизм.

Путь развития человечества тернист и усеян множеством проблем, зачастую сложно разрешимых и несущих на себе печать трагизма. Такой по своей сути выступает проблема самоубийства, сопровождающая человека с того момента, как он осознал себя в качестве существа конечного, смертного и предстал перед свободой выбора между жизнью и смертью.

С моей точки зрения, особенность природы феномена суицида состоит в том, что каждое без исключения суицидальное действие актуально, поскольку свидетельствует об индивидуальных и общественных болезнях существования человека. Отсюда, логичным и справедливым является тот факт, что Всемирная Организация Охраны Здоровья (ВООЗ) признала уровень самоубийств в каждой конкретной стране индикатором и показателем психического здоровья ее населения в целом.

Проблема самоубийства многогранна, в связи с чем ее изучение охватывает медицинские, социальные, психологические, этические, религиозные, правовые, социологические, философские и другие аспекты. Отсюда, проблема самоубийства служит объектом исследования многих научных отраслей – медицины, психологии, социологии, юриспруденции и т. д. При этом если частные методы, которые используются в указанных отраслях, ограничены, то именно философия, по моему твердому убеждению, призвана служить фундаментом научной суицидологии как таковой, поскольку в своих пределах она открывает возможность фундаментального познания сути сложного феномена самоубийства.

В действительности при тщательном анализе феномена суицида все имеет первостепенное значение. Так, с возрастом человек формируется и развивается как личность, жизненные ориентиры которой изменяются в силу как объективных, так и субъективных условий, которые оставляют отпечаток в сознании индивида, что приводит к специфике мировосприятия, а далее – к специфике мировоззрения. Поэтому философский аспект анализа суицида должен в качестве своего составного элемента рассматривать *особенности сознания*, лежащего в основе личностного начала человека. По этой причине Н. А. Бердяев акцентировал внимание на недостаточности социологических исследований феномена суицида: «Социологическая точка зрения, которая, основываясь на статистике, хочет установить социальную закономерность и необходимость самоубийства, в корне ложна, – подчеркивал религиозный мыслитель, – она видит лишь внешнюю сторону явления, лишь результат незримых внутренних процессов и не проникает в глубину жизни» [1, с. 102]. Наоборот, сам христианский мыслитель сделал попытку проникнуть в глубины суицидального сознания в поисках ответов на вопросы о смысле жизни и причинах добровольного ухода из нее.

Отмеченные попытки ценны тем, что приближают нас к пониманию трагического феномена, а их осмысление выступает существенной предпосылкой процесса разработки профилактических мер по предотвращению суицидальной деятельности, в рамках которого назрела необходимость